ровая) литература» предполагает сочетание двух элементов — с одной стороны, национальных традиций каждой данной литературы и, с другой — того «нового», «общего», которое соответствующая литература получает через посредство какой-то другой литературы, «господствующей» в тот или иной момент в «мировой литературе» или играющей определенную важную роль в силу каких-либо политических причин. Так, например, в XVIII в. для литератур многих европейских народов (немцев, англичан, русских, поляков и т. д.) французская литература была «господствующей» в тогдашнем мировом масштабе, но в то же время литературы ряда славянских народов, входившие в конце XVIII—начале XIX в. в состав Австро-Венгерской монархии, испытывали, по понятным политическим причинам, воздействие немецкой (австрийской) или венгерской литератур. Таким образом, развитие национальных литератур — по крайней мере до наших дней — представляет сложный процесс взаимодействия «национального» и «общего». Трудность понимания этого процесса заключается в том, что всякий раз «национальное» оказывается в конечном счете итогом разных исторических воздействий и в то же время «общее» всегда проявляется в «национальной» форме.

Попытки разных литературоведов разобраться в сложных вопросах становления европейских литератур,[15] а также влияния одних из них на другие оказываются недостаточными по ряду причин, и главным образом потому, что в подобных случаях не принимается в расчет вся совокупность фактов, действовавших при возникновении отдельных литератур, и отбрасывается такой важный фактор, как латинская образованность, латинская школа, сохранявшаяся во многих европейских странах до середины XIX в. и даже позже. Между тем без учета значения латинского образования для эпохи до XIX в. нельзя правильно понять многие явления в истории отдельных европейских литератур, в том числе и русской литературы второй половины XVII—XVIII вв.

Между концом античного мира (IV в. н. э.) и возникновением отдельных новоевропейских литератур (IX—XII вв.) лежит длительный период безраздельного господства латинской школьной образованности в Западной Европе и византийской — в Юго-Восточной и отчасти Восточной. Латинские авторы, изучавшиеся в монастырских и церковных школах, являлись для грамотных людей того времени образцами подлинной литературы. Новоевропейские литературы, как связано ни было их возникновение с национальным фольклором (преимущественно с героическим эпосом), создавались людьми грамотными, т. е. получавшими образование на латинском языке. И читатели тех и последующих

[15] Изучение внеевропейских литератур с этой точки зрения только начинается, и поэтому его результаты сейчас не могут еще входить в нашу концепцию.